

Барков против Пушкина

Вадим НИКОЛАЕВ,
для «Новых Известий»

Клевтат на великих людей... есть жалкое святотатство. Знаю, что поступили неумышленно, но тем не менее возмущаете вы негодование и заслуживаете... (не окончено).
А.С. Пушкин
(из черного наброска).

Когда одна и та же вещь кажется одному чем-то высоким, прекрасным и важным, а другому карикатурой или пародией, — нет сомнения, тот либо другой лишен здравого смысла.
П.А. Катенин.

28 ноября 2002 года в «Новых Известиях» было (под эпатажным заголовком «Пупок чернеет сквозь рубашку») опубликовано очередное интервью Владимира Козаровского с киевским литературоведом-структуралистом Альфредом Барковым, на сей раз касавшееся «Евгения Онегина». Совершенно сенсационное открытие: признанный шедевр классической литературы, названный «энциклопедией русской жизни», оказался на деле некой сатирической мениппеей, а прототипом главного героя был друг Пушкина Павел Катенин. По мнению Баркова, «Онегин» — это имитация бездарного романа в стихах, якобы написанного Катениным о самом себе. 9 января 2003 года Барков был подвергнут резкой критике Ольгой Алешиной в ее прекрасной статье «О «замысловатой клевете» на Пушкина». Уже через пять дней Барков напечатал ответ под названием «Вот тебе, бабушка, и Макарьев день!» (речь идет о хронологической проблеме, связанной с посещением Онегиным Макарьевской ярмарки).

Дело в том, что (по остроумному замечанию Алешиной) «в процессе перетряски основ литературоведения Барков решил заодно учинить ревизию устоявшейся хронологии событий в романе». Действительно, абсолютное большинство пушкинистов, включая таких авторитетных исследователей, как Владимир Набоков и Юрий Лотман, считали, что действие романа начинается в 1819 году в Петербурге и завершается там же весной 1825 года. Барков же полагает, что роман начинается с приезда Онегина в деревню в 1808 году и заканчивается в 1812 году накануне войны с Наполеоном.

Исходной точкой фантастической версии послужило упоминание про «календарь осьмого года», обнаруженный Онегиным в доме покойного дяди. Но это вовсе не доказательство того, что действие происходит в 1808 году, а просто часть иронической характеристики старого помещика, который «лет сорок с ключницей бранился, в окно смотрел и мух давил».

Отыскав отправную точку, Барков пытается найти в тексте романа доказательства того, что действие «Онегина» не может происходить после 1812 года. Некоторые из таких «доказательств» просто курьезы. Риторический вопрос Баркова о рождественской музыке на берегах Невы Алешина справедливо характеризует как «вопрос ни о чем». Слово «рождок» стоит в единственном числе — при чем здесь оркестр рождественских инструментов? Кстати, рождок упоминается и в четвертой главе, где на нем играет пастух: почему и по этому поводу Барков не завел разговор об оркестре?

Скрыв от читателя (далеко не в единственном раз) неудобную цитату и поймавший с поличным, Барков валит все на неких «корифеев пушкинистики», которые спорят между собой на страницах монографий по поводу рождественского Шереметевых в связи с этим местом в «Онегине» вот уже едва ли не сотню лет». К сожалению, Барков не привел имени людей, столько лет переводивших бумагу на решение несуществующей проблемы. Мне лишь известно, что самый, пожалуй, маститый из корифеев, Лотман, считал ошибочным мнение пушкиниста Бродского, пытавшегося связать эту строку с крепостным роговым оркестром, куда в числе прочих инструментов входил и рождок (термин «оркестр рождовых инструментов» не существует вообще). Еще раньше Набоков назвал толкование Бродского (и — просто пророчески — Баркова) гротескным. Никакого противоречия в самом романе Набоков и Лотман, разумеется, не усматривали, поскольку, как уже говорилось, придерживались традиционной датировки (впрочем, Бродский на нее тоже не посягал — он просто не знал даты расформирования оркестра). Из этой вот мухи Барков и сделал слона.

То, что на надгробном памятнике Дмитрия Ларина был упомянут его бригадирский чин, означает лишь, что Ларин вышел в отставку до упразднения этого чина в 1796 году и ничего больше. Это никак не может противоречить тому факту, что его дочь Татьяна родилась (как полагал Набоков) в 1803 году.

Нельзя, конечно, обойти тему злополучной Макарьевской ярмарки. Барков, поставленный Алешиной в очень затруднительное положение, называет, наконец, имена, притом имена громкие — Набокова и Лотмана, но цитат не приводит, что не случайно. Ведь Набоков, например, писал по поводу слова «Макарьев»: «Упоминание о знаменитой Макарьевской ярмарке в Нижнем, куда в 1817 году ее перенесли из Макарьева, города в шестидесяти милях к востоку». Причем Набоков имел в виду вовсе не тот город Макарьев, о котором, срочно меняя тактику, пишет в последней статье Барков (этот город расположен севернее Нижнего), а небольшой городок возле Макарьевского монастыря (сейчас там поселок Макарьево). О том, что Ма-

карьевская ярмарка проводилась (с 1641 года) именно у стен монастыря, можно узнать не только из статьи Алешиной, но и из самых разнообразных авторитетных источников — от Большого энциклопедического словаря до официального сайта городской администрации Нижнего Новгорода. В «Истории Нижегородской ярмарки», размещенной на этом сайте, подчеркивается, что после переноса в Нижний Новгород ярмарка еще долго в обиходе называлась Макарьевской, так что Онегин мог посетить ее в 1821 году. Что касается костромского Макарьево, куда по обновленной версии Баркова якобы заезжает Онегин по пути из Москвы в Нижний Новгород, то не очень понятно, каким таким «обилием» мог «кипеть» захолустный провинциальный город, где сроду никаких ярмарок не проводилось. Пушкин же не без сарказма пишет именно о большой международной ярмарке:

*Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Принал заводчик из степей...*

Как тут не вспомнить слова Алешиной о том, что «открытия г-на Баркова рассчитаны на тех, кто не заглянет в пушкинский текст».

Пушкинские строки, кстати, вполне соответствуют списку товаров и капитала Нижегородской (Макарьевской) ярмарки за 1821 год, куда в числе прочих товаров входили «небольшое серебряное блюдо и жемчужины», «вино и коньяк», «коня».

Барков все же не решился пойти на откровенную ложь и не стал утверждать, что ярмарка проходила в костромском Макарьеве, ограничившись туманным замечанием о том, что «пушкинская фраза допускает неоднозначное толкование». Хотя, по моему, все как раз однозначно.

Из того, что Зареский попал в Париж как пленный и, очевидно, был возвращен на родину после Тильзитского мира, вовсе не следует, что он не мог потом войти туда же в качестве победителя (как это сделал его предполагаемый прототип Федор Толстой), т. е. что действие происходит задолго до начала новой войны с Наполеоном в 1812 году. Зато чуть позже я приведу достаточно деталей, доказывающих, что действие происходит гораздо позже.

Барков с пафосом пишет: «чтобы поверить, что в 1820 году в «модном» кабинете Онегина мог красоваться БЮСТ НАПОЛЕОНА, нужно страдать отсутствием элементарного представления о настроениях в России после войны с супостатом». Но вслед за поражением при Ватерлоо и ссылкой Наполеона на остров св. Елены по всей Европе (в том числе и в России) начала складываться «наполеоновская легенда». Хотя отношение Пушкина к бывшему французскому императору было довольно противоречивым, узнав в 1821 году о смерти Наполеона, он посвятил его памяти стихотворение, которое заканчивалось знаменитой строфой:

*Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмущит укором
Его разгнанный тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.*

И такие настроения разделяли многие. А вот представить себе в «модном» кабинете русского дворянина бюст Наполеона после поражения при Аустерлице и Пирровой «победы» при Прейсиш-Эйлау, которая привела к воспринятому как национальный позор Тильзитскому миру, было бы, действительно, довольно странно. Так кто же «плохо знает историю своей державы» — Барков или Алешина?

Упоминая о бюсте Наполеона, Барков предостережительно умалчивает, что в кабинете Онегина висел еще и портрет Байрона (чей романтический культ был неразрывно связан с культом Наполеона). Но кто знал у нас о Байроне в 1808 году, всего лишь через год после того, как девятнадцатилетний поэт выпустил свой первый сборник «Часы праздности»? Европейскую славу Байрону принесли его поэмы «Гяур» (1813) и «Корсар» (1814). Первое в России упоминание о Байроне содержится в письме Уварова к Жуковскому от 20 декабря 1814 года; систематически же упоминаться в русской печати Байрон стал только в 1818 году.

Согласно черновым наброскам, еще в Петербурге Онегину доводилось вести споры «о Байроне, о Манюэле». Как Антуан Манюэль, левый либерал, депутат французского парламента, друг Беранже, выдвинулся уже после окончательной реставрации монархии в 1815 году. В 1819 году его политическая карьера, сопровождавшаяся европейской популярностью, была в самом разгаре. Упоминается в черновиках первой главы и Бенжамен Констан, другой левый депутат и писатель, чей роман «Адольф» (1815), который Пушкин считал одним из лучших европейских романов, Татьяна в черновых вариантах главы селдмой находит среди книг Онегина.

В том эпизоде, когда Онегин посещает театр, упоминается, причем в качестве прима («толпою нимф окружена») балерина Истомина. Авдотья Истомина была ровесницей Пушкина; в 1808 году ей исполнилось всего девять лет. Ведущей танцовщицей петербургской балетной труппы она стала в 1816 году.

В ресторане Талона Онегин встречается с приятелем Пушкина Кавериним; хотя во всех прижизненных изданиях фами-

лия заменена звездочками, нет никаких сомнений в том, кто имеется в виду, тем более что столь неожиданная и богатая рифма к слову «уверен» уже использовалась Пушкиным в лирическом послании 1817 года. Зимой 1807/1808 года Каверину не было еще четырнадцать лет — невозможно представить, чтобы в таком возрасте он мог кутить в ресторанах. Онегин и Каверин пьют «вино кометы» — так называлось шампанское урожая 1811 года; осенью этого года в небе была видна комета, которую изображали на пробках бутылок (отсюда и название). Напомню, что действие происходит до отъезда Онегина в деревню, то есть, по версии Баркова, не позднее 1808 года. Очевидно, вследствие появления этой кометы произошел сдвиг во времени, характерный для фантастической литературы XX века. Итак, «Евгений Онегин» — не только мениппея, но еще и фантастика, причем намного опережая свое время.

Как после это воспринимать громколасное заявление Баркова о том, что «в тексте романа нет ни одного факта», подтверждающего датировку действия фабулы между 1819 и 1825 гг.? Мне кажется, и несколько приведенных мною фактов достаточно для того, чтобы закрыть вопрос о хро-

П.А. Катенин. Похож на Онегина?

нологии романа, а заодно и усомниться в добросовестности Альфреда Баркова.

Тем более что подтасовок (возможно, бессознательных) хватает и в других местах. Так, Барков утверждает, что «еще в 1815 году юный лицеист написал свою первую пародию на Катенина». Подобной пародией может считаться только стихотворение «К Наталье», в котором пушкинисты не без оснований находят фразеологическое сходство с опубликованной в том же году балладой Катенина «Наталья». Но в стихотворении Пушкина нет ничего пародийного; к тому же оно посвящено актрисе крепостного театра графа В. В. Толстого, в которую Пушкин был влюблен и которой за два года до этого посвящал стихотворение «К Наталье» (им открываются все собрания его сочинений). Так что выбор имени не имеет к балладе Катенина никакого отношения. Беда Баркова в том, что, усматривая в произведениях разных авторов сходство, он тут же принимает за выяснение, кто из них кого пародировал, хотя в большинстве случаев речь идет о вполне нормальном для литературного процесса взаимовлиянии. Итак, вместо ранней пародии на Катенина мы находим факт его раннего влияния на Пушкина.

Написанная в 1817 году строфа, открывавшая послание Пушкина своему дяде: «Скажи, парнасский мой отец, неужто верных муз любовник не может нежный быть певец и вместе гвардии полковник?» — вполне могла относиться, а скорее всего и относилась к Катенину, который был в то время полковником лейб-гвардии Преображенского полка. Но напрасно Барков, выдергивая строфу из контекста, усматривает в ней издевку, поскольку стихотворение представляет собой настоящий панегирик военным, а в начальных его строках говорится о возможности сочетать военную службу с занятиями высокой поэзией. Федору Глинке, чье творчество Пушкин оценивал не слишком высоко, противопоставляются Денис Давыдов и некий «русский Бюфлер». Уж не Катенин ли это? Помимо Глинки, Давыдова и Катенина более-менее известных поэтов среди военных в то время просто не было.

Все это доказывает, что в 1818 году Пушкин вполне мог завязать с Катениным дружеские отношения, которые, несмотря на периодически возникавшие трения, продолжались и впоследствии.

Протитированные Барковым строки: «Я знаю, ты — картежный вор, но от вина ужель отвыкнул» никак, несмотря на безапелляционное утверждение Баркова, не могут относиться к Катенину. Традиционно принято считать, что это эпиграмма на некое не установленное лицо, принявшее на свой счет строки из послания «К Чаадаеву», которые в действительности отно-

сились к Федору Толстому. Барков полагает, что не установленное лицо — Катенин. Но Катенин не был ни шулером, ни пьяницей, и на свой счет он принял совсем другую строку из этого послания (о чем, кстати, пишет сам Барков).

В 1823 году Пушкин начал писать «Евгения Онегина» и вскоре встретил тотальное непонимание со стороны недавних единомышленников. Баркову особенно полюбилась цитата из письма Пушкина к Бестужеву: «Твое письмо очень умно, но все-таки ты неправ, все-таки ты смотришь на «Онегина» не с той точки...». Эффектно обрвав текст письма, Барков создает у читателя впечатление, что на «Онегина» нужно смотреть как на сатирическую мениппею. Однако далее, в этом же письме, Пушкин отвечает Бестужеву, а заодно и Баркову: «Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в Евг. Онег. У меня бы затрещала набережная, если бы коснулся я сатиры». Кстати, именно в этом письме содержится призыв отдать «справедливости Катенину». Последующие слова об ошибках и усовершенствовании суждений исключают возможность какого-либо двусмысленного толкования. Показательно, что написано все это

еще до того, как Катенин возобновил переписку с Пушкиным. Барков заявляет, что утверждение Алешиной «о попытках примирить с Катениным Бестужева и Вяземского нуждается в коррективках», не находя ничего лучшего, как приводить цитаты из писем, написанных задолго до этих попыток. Тогда как после 1822 года ни в одном письме Пушкина не содержится никаких выпадов против Катенина. Переписка Пушкина и Катенина возобновилась в мае 1825 года, после того, как Катенин получил от своего друга Николая Голицына экземпляр первой главы «Онегина». Тут надо заметить, что Барков обвиняет Катенина в чем угодно, но только не в глупости. В своей фундаментальной работе «Прогулки с Евгением Онегиным», опубликованной в Интернете, он прямо утверждает, что Катенин сразу разгадал коварный замысел Пушкина. Можно ли в таком случае предполагать, что болезненно самолюбивый Катенин, превращивший переписку с Пушкиным из-за одной строки, показавшейся ему обидной, прочитав ласкливо на себя, пишет в ответ письмо с благодарностью, делая вид, что он так ничего и не понял?

Впрочем, узнать себя в Онегине Катенин не сумел бы при всем желании. Онегин не мог отличить ямба от хорея, его попытки писать ни к чему не привели (и тщетно Барков, ссылаясь на Б. Мейлаха, старается доказать обратное — дневник Онегина, будь он включен в текст романа, был бы, как и его письмо к Татьяне, где Онегин тоже «выступает как поэт, и какой поэт», написан прозой и лишь пересказывая стихами), Катенин же являлся поэтом, драматургом, переводчиком. Онегин «бранил Гомера, Феокрита» — уж Гомера Катенин бранить никак не мог, поскольку был большим его поклонником. Онегин никогда не состоял на военной службе, которой Катенин посвятил годы. Да и характеры у них слишком уж отличались друг от друга.

Барков пишет: «Не заметить катенинские биографические «маячки» просто невозможно», и приводит строки, где Онегин описан в качестве вхожего за кулисы театра (в те годы и в этой среде подобным театралом не был только ленивый), затем в качестве помещика (мало ли дворян по разным причинам жили в своих поместьях, включая и самого Пушкина, который, кстати, опровергая теорию Баркова, писал в 1826 году Вяземскому: «В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь»). Особого внимания заслуживают строки: «Ярем от барщины старинной оброком легким заменил». Катенин действительно значительно облегчил жизнь своих крепостных (что, видимо, должно служить объектом для издевательств), но и это был

не единичный случай — так, например, поступили будущие декабристы Иван Якушкин и Николай Тургенев.

Быть может, в стиле «Онегина» есть что-то похожее на поэзию Катенина? Барков утверждает, что Пушкин пародирует «масовые случаи использования Катениным архаизмов и галлицизмов». Но архаизмов в «Онегине» как раз значительно меньше, чем не только в поэзии Катенина, но и практически во всей поэзии того времени; что же касается галлицизмов (т. е. не столько прямых заимствований французских слов, сколько калькированного перевода выражений, — галлицизмов в «Онегине» действительно много), то Катенин, находившийся в своем творчестве под влиянием идей основателя «Беседы» Александра Шишкова, этого избегал. Зато он любил просторечные выражения, которые в романе встречаются только при описании крещенского гадания и сна Татьяны (прежде всего знаменитые «хлоп», «молвь» и «топ», а также «остов» в значении «скелет» — как в катенинской «Ольге»), но это опять-таки не пародия, а влияние.

Алешина привела достаточно много доказательств того, как высоко ценил Пушкин Катенина-критика. Однако не менее высоко Пушкин ценил и литературный талант Катенина. Узнав в 1825 году из катенинского письма, что тот решил отказаться от творчества, Пушкин всячески убеждает друга изменить свое решение. В следующем его письме есть фраза: «Моя душа просит твоих стихов». 14 марта 1833 года, вскоре после выхода двухчастного собрания сочинений Катенина, Пушкин пишет небольшую, но очень емкую статью «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», где дает творчеству своего друга самую лестную характеристику. Хвалит он произведения Катенина и в других своих статьях, особенно выделяя балладу «Убийца» (1815) и трагедию «Андромаха» (пост. 1827), утверждая, что «Андромаха» — это «может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому». Барков, конечно, может утверждать: «Практически везде (если практически, то, значит, все-таки не везде? — В.Н.), где Пушкин нахваливает Катенина, имеет место скрытая издевка». Фактически он обвиняет Пушкина в чудовищном лицемерии. Однако единственное доказательство тому — желание самого Баркова.

В статье-рецензии Пушкина на собрание Катенина есть довольно любопытное место: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно». Эти слова необычайно созвучны написанной за год до того строфе из неоконченной поэмы «Езерский», строфе, которую позже Пушкин переработал в отдельное стихотворение, включенное в повесть «Египетские ночи» (1835). Барков, вероятно, считает эту строфу, так же, как и стихотворения «Поэт и толпа», «Поэт не дорожит любовью народной...», пародией на строки Катенина: «Кто от души простой и чистой пел, тот не искал сих плесков всенародных...». Но ведь эти строки взяты из поэмы «Книжна Милуша», написанной в 1833 году, позже всех вышеперечисленных пушкинских произведений. К тому же «Книжна Милуша», по мнению Баркова, сама представляет собой запоздалую (через тринадцать лет после публикации!) пародию на «Руслана и Людмилу». Не логично ли предположить, что в данном случае уже Катенин пародировал Пушкина, тем более что противопоставление поэта и толпы — типично романтическая тема, и вполне естественно для противника романтизма ее пародировать. На самом деле, конечно, никто никого не пародировал, просто у обоих совпало творческое кредо.

Барков договорился до того, что и «Памятник» объявил пародией на Катенина. Получается, что с шестнадцати лет и до самой смерти Пушкин издевался над Катениным, что это было основным темой его творчества (может ли здравомыслящий человек в такое поверить?). Проживи Пушкин подольше, сколько еще чудных антикатенинских мениппей обрела бы русская литература.

Но Пушкин не прожил дольше. 30 мая 2002 года в «Новых Известиях» была опубликована статья В. Козаровского «Почему Пушкин плакал», основанная на весьма убедительной теории А. Лациса о том, что Пушкин был тяжело болен и сам искал смерти. Согласно статье, решение приблизить свою смерть Пушкин принял в 1835 году. И именно в этом году Пушкин отправил Катенину, вновь поступившему на военную службу и жившему в Ставрополе, письмо, которое не сохранилось. Но сохранился ответ на него, где Катенин пишет: «Судя по твоим, увя! слишком правдоподобным словам ты умирей (дай Бог тебе много лет здравствовать!) Венямином русских поэтов, юнейшим из сынов Израиля». Таковы были, перефразируя слова Алешиной, отношения реального Пушкина и реального Катенина, который имел к «Евгению Онегину» только одно отношение — как благожелательный критик и почитатель пушкинского романа (в отличие от многих, с самого начала).

Андре Моруа писал: «Одно поколение может ошибиться в оценке произведения. Четыре или пять поколений никогда не ошибаются». Сlišком многие, со времен Пушкина и до наших дней, считали и считают «Евгения Онегина» произведением серьезным и глубоким, для чего им не нужно было катастрофически извращать текст романа. Бездостоверно пересматривать эту оценку — занятие, на мой взгляд, бесполезное и бессмысленное.